

1985, 19 янв.

ПРЕМЬЕРЫ

Грани притчи

«Ной и его сыновья» Ю. Михайлова
в Московском драматическом театре
имени К. С. Станиславского

Вышел новый спектакль, посвященный важнейшей проблеме современности — проблеме сохранения мира на нашей планете. Ставить подобные спектакли — задача сложная. Ведь в постановках важность темы далеко не всегда равна художественной реализации. Театр им. К. С. Станиславского представил нам свой вариант прочтения темы: фантастическую притчу в 2 частях, как явствует из программы.

О чем же спектакль? Наверное, о неразделимости нашей личной и всеобщей ответственности за то, чтобы отвести от планеты угрозу глобального ядерного уничтожения. Ной Даммер — генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, главный герой спектакля — является как бы средоточием этого драматического единства: война, еще не начавшись, уже пожирает трех его сыновей. Пожирает сначала духовно, а затем — физически.

Три сына Ноя — три разные грани притчи. Старший, Фридрих, — военный. Эдакая современная ракетно-ядерная горилла, порождение политики слепого милитаризма. Он, как и многие представители его корпорации, убежден, что в войне победит та сторона, за которой «мощь, быстрота и оптимальная тактика». Второй сын — ученый Эрик (его весьма раскованно и не без элегантности играет А. Егоров) поначалу выглядит значительно более симпатично, чем его брат-солдафон. Пока не раскрывает свое, прямо скажем, малосимпатичное кредо: «Все жить хотят, — небрежно изрекает он. — А следовательно, договорятся. Не теперь, так позже». Откуда эта циничная ирония, ставшая кодовым знаком «интеллектуалов» военно-промышленного комплекса? А ведь это не более чем тонкая пленка, обволакивающая душевный разлад, острую тоску по настоящему, доброму, нужному людям делу, жажду возврата разорванной милитаризмом человеческой гармонии.

И, наконец, третий сын, еще одна грань притчи. Это младший, любимый сын Ноя. Джекки — террорист, политический бандит, один из тех, кто в истекшие годы совершил множество страшных преступлений в Италии, Испании, ФРГ, других странах Западной Европы.

Что же связывает отца и сына, помимо родственных уз? Один хочет спасти, другой — уничтожить.

Казалось бы, огромная пропасть отделяет террориста Джекки от бывшего государственного секретаря США (а еще раньше — командующего войсками НАТО, то есть человека, палец которого был очень близок к ядерной кнопке) А. Хейга. Но ведь именно ему принадлежит ставшая героостратовски крылатой фраза: «Есть вещи поважнее мира». Ведь, в сущности, он сказал то же самое, что говорит нам Джекки: «Мир моего воображения важнее, чем реальный мир, населенный реальными человеческими существами. Я готов пожертвовать вторым ради первого».

Джекки в прекрасном исполнении С. Колтакова — это аллегория катастрофы, которую несет с собой общество, отказавшееся от человечности.

Три ипостаси угрозы глобальной катастрофы, столь могучие и влиятельные в современном западном мире, — милитаризм, интеллектуальный конформизм и бесчеловечные доктринерство — вылеплены автором пьесы Ю. Михайловым и постановщиком А. Товстоноговым с достаточной убедительностью. Притчевую форму спектакля хорошо подчеркивает и оформление. В центре спектакля — главный герой Ной Даммер. В увиденном мною спектакле эту роль сыграл не профессиональный актер, а сам автор пьесы (равно как и музыки к спектаклю) Ю. Михайлов. На первых порах кажется, что этот человек на сцене как-то скован. Но не потому, что Ю. Михайлов чувствует себя неуютно по соседству с профессиональными актерами. Это продуманная скованность, часть роли. Его Ной охвачен страхом за судьбу мира, за судьбы собственных детей. Его беспокоит состояние «экипажа» земного ковчега, готового этот ковчег уничтожить.

Финал спектакля таков: Ной жертвует своими сыновьями ради спасения ковчега, ради жизни. Страх, порожденный мужеством и ответственностью за судьбы человеческой цивилизации, должен обрести силы, энергию и конкретные формы действия.

Новый спектакль Московского драматического театра им. К. С. Станиславского нельзя назвать художественно безупречным. Есть над чем поработать и режиссеру, и артистам. Чувствуются «сбои» в ритме действия. Иногда возникает ощущение, что стилистика кордебалета не вяжется с содержанием диалогов. Но слово театра в этом спектакле не может оставить нас равнодушными.

В. ЛУКИН,
доктор исторических наук.